

М. И. Козьякова¹

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ «РУССКОГО МИРА»

Современная картина мира отражает чрезвычайно противоречивую, эклектичную ситуацию регионального и глобального развития — ситуацию совмещения нестационарных процессов, процедур взаимодействия и синхронизации разнонаправленных тенденций. Реанимирование традиций прошлых эпох, одновременная актуализация модерна и архаики, практика инновационной активности и реставрация патрилокальных трендов способствуют созданию во многом парадоксального, эмпирического контекста, далекого от стабильности и устойчивости.

В современном мире возникают социальные формы и явления, не имевшие аналогов в прошлом, так же как нет их сегодня у мировой экономики, привязанной к эфемерным электронным деньгам. В данном случае особую роль играет глобализация. Мир стремительно меняется, и стабильные в прошлом ориентиры, позволявшие транслировать опыт предыдущих поколений, утрачивают свои императивные характеристики, подвергаются рестрикции либо элиминируются, заменяясь новыми нередко в угоду политической конъюнктуре. Данные явления, бесспорно, действуют в одном направлении, подобно гигантскому катку, равняющему культурное пространство, и потому одинаково враждебны к исторически сложившимся формам аутентичности.

Тенденция к образованию единого культурного пространства в условиях информационного общества трансформируется во власть сильнейшего: доминирующая североатлантическая либо европейская модель навязывает остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни. Подобного рода явление, однако, небезопасно для страны-реципиента, поскольку осуществляется с целью реализации чужих интересов. Путь развития гражданского общества, однозначно аффилированный с иными заимствованными цивилизационными характеристиками, также представляет собой эффект троянского коня.

Цивилизационные контакты могут принимать форму жесткого противостояния, что характерно для настоящего времени. На смену рейгановскому ярлыку «империя зла», навешанному некогда на СССР, пришли иные обвинения, экономические и политические санкции. Фактически они используются как инструмент геополитики, применяемый с целью сдерживания России. Идейная, идеологическая борьба ведется с применением самых жестких, нетипичных для меж-

государственных отношений приемов. Эта обструкция носит демонстративный, политический характер, что показывает, насколько обострились отношения в результате развязанной против России информационной, точнее гибридной (поскольку она включает не только информационный инструментарий), войны.

Столь жесткие методы противоборства, охватывающего весь спектр, кроме прямого военного столкновения, применяются обычно в войне между антагонистическими системами. Исторический пример подобного противостояния — холодная война. Но в данном случае война объявлена не формационному противнику, а демократическому, суверенному государству, обладающему собственной системой ценностей, идеологией и традициями, сформированными многовековой историей.

Практически осуществляется экспансионистский натиск на «русский мир», а само противостояние России и Запада обретает форму столкновения цивилизационных моделей, поскольку англосаксонский экспансионизм, пронизанный ветхозаветным мессианизмом, воспринимает мир как сферу гегемонии Pax Americana. Под сложным, недостаточно четко дефинированным понятием «русский мир» может пониматься как этнокультурная общность, объединенная русским языком, собственной историей, этикой, так и геополитическое образование или православная цивилизация. Какова бы ни была его трактовка, Россия как государственная, культурная реальность остается его цивилизационным ядром. Именно на эту метафизическую, геополитическую реальность, ее национальную специфику распространяются конъюнктурно-политические аспекты, в данном контексте актуализируются проблемы цивилизационного выбора и одновременно национальной безопасности.

Настоящее обладает поразительным свойством «вырастать» из прошлого, аккумулируя в себе многообразие событий, имен, лиц, человеческих судеб. Представляется сомнительным распространенный среди западных социологов постулат, умаляющий прошлое: оно «теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, то есть нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное»². В связи с этим зачастую обращаются к теореме Томаса, которая гласит, что «если люди определяют ситуацию как реальную, они реальны по своим последствиям». Действительно, настоящее обладает богатейшими возможностями по формированию вектора будущего развития, тем более сейчас, в эпоху телекоммуникаций и Интернета, глобализации и виртуальности.

Тем не менее речь не идет о конце истории. Если возможно вообще строить будущее, влиять на него тем или иным способом и, разрабатывая национальные

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История. Культура. Повседневность. Западная Европа от Античности до XX века», «Эстетика повседневности», «Красное», «Исторический этикет»; статей: «“Звездная область” свободы», «Этнокультурный диалог как исторический опыт России», «Цивилизационная идентичность в эпоху глобализма». Член Московского культурологического общества.

² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 175.

проекты, отвечать на глобальные вызовы, в любом случае отправной точкой сценария неизменно будет служить опыт прошлого. Определять и конструировать неизвестное будущее или разбираться в «тревожном» характере настоящего будет легче, если предварительно рассмотреть и «смирненно принять» (Н. Нарочницкая) уроки прошлого. Будучи поучительными для стран с богатой длительной историей, они приобретают особое значение в эпоху кардинальных перемен. Именно такова ситуация, сложившаяся в настоящее время.

Принятые в качестве образца для проводившихся в России реформ западноевропейская и американская модели воспринимались как ориентиры общемирового развития — передовой опыт должен был способствовать закреплению высоких стандартов постиндустриального мира. Он предполагал примат либеральных ценностей, и либеральная парадигма также была оценена отечественными реформаторами как наиболее прогрессивная, универсальная. При этом игнорировался скепсис зарубежных исследователей в плане перспектив либерализации: так, о крахе либеральной идеи речь шла, например, в книге И. Валлерстайна «После либерализма».

По мысли идеологов, только североатлантическая цивилизация смогла продемонстрировать миру магистральную дорогу к процветанию, поэтому ее ценности необходимо было усвоить для успешного продвижения по пути демократии и прогресса. России предлагался вариант так называемой «догоняющей модернизации», при котором преодоление и замена традиционных ценностей выступали как необходимое условие успешного развития. В этом контексте коллективизм однозначно оценивался как архаика, признак отсталости и препятствие в развитии; в либеральных кругах неизменно звучала критика в отношении коллективистской психологии с ее «субъектной подчиненностью» и «настроениями социального иждивенчества».

Связи, обязательства, предписания, сопровождавшие человека на протяжении жизни, обязательные к исполнению в традиционном обществе, должны были исчезнуть, знаменуя тем самым обретение новых степеней свободы. Происходят определенная эмансипация, освобождение от регламентирующих установок, диктуемых социальной средой. Увеличение степеней свободы — независимости отдельного лица от государственных, партийных, других общественных институтов — однозначно оценивается в либеральной среде как положительный эффект. Самосознание субъекта нацеливалось при этом на обустройство материального мира, преобразование окружающей среды, апостасийный поиск земного рая.

Индивидуалистические установки рефлексировала позитивистская философия Г. Спенсера. Они концептуализируются фундаментальным постулатом: «Каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом равную свободу любого другого человека». Этот посыл служит оправданием отхода от традиционалистских ценностей, полагая принципиальную неразличимость добра и зла, добродетели и порока.

В однозначной ориентации на западную модель, принятую в качестве целеполагания для проводимых

реформ, не предполагалось учета специфики российского социума. Кроме того, были забыты или просто проигнорированы важнейшие результаты классических социологических, культурологических исследований, рассматривавших вектор западной эволюции как крайне противоречивый.

Гуманизм, интерпретируемый как антропоцентризм, культивирование индивидуализма, борьба за политические свободы как необходимую предпосылку и условие его генерации в западном мире имеют длительную историю. Свое хрестоматийное выражение европейские идеи модерна нашли в лозунге Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Ликвидация сословных барьеров, утверждение социальных и политических прав были неизменно связаны с фундаментальной ценностью буржуазного мира — собственностью. Именно она закладывает фундамент цивилизации модерна, лежит в основании таких институтов, как гражданское общество, правовое государство, формирует свободы буржуазного мира. Она же должна, как полагают западные теоретики, способствовать рождению свободной личности — индивида, наделенного как гражданскими правами, так и «абсолютным суверенитетом взглядов и наклонностей человека» (Ф. фон Хайек).

На практике, однако, все более рационализирующийся западный мир в массовом порядке генерирует иную индивидуальность — постиндустриальное общество и массовая культура порождают синдром человека-массы. Человек-масса, «листья травы» (У. Уитмен), становится актором гражданского общества. Анализ этого феномена, данный Х. Ортегой-и-Гассетом в 1930 году, не утратил своего значения и в XXI веке. Более того, провозглашенный в конце XIX века Г. Лебоном тезис «Наступающая эпоха будет эрой масс»¹ в полной мере осуществляется именно сейчас, когда глобализация и информатизация создали необходимый технический базис для беспрецедентного развертывания массового универсума. В конечном счете он приводит к наступлению эры масс (Г. Лебон) — веку толп (С. Московичи), к их восстанию (Х. Ортега-и-Гассет). Масса обретает свою аутентичную основу в массовых стереотипах и стандартах, конвейерном производстве и брендовом потреблении, макдональдизации образования, здравоохранения, культуры.

Культура, как и «мягкая сила», имеет накопительный, кумулятивный характер (М. Мид). Одной из важнейших является ее апотропейная функция, реализующая ментальную, психологическую защиту своего социума. Данную функцию обеспечивала уже архаика первобытного ритуала: участвуя в нем, «первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед не поддающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, — вот в чем его спасение...»²

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995. С. 154.

² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. С. 467.

В целостности, органике национальной культуры всегда содержится определенный потенциал партиципации — сопричастности с духовной, материальной силой, энергетическим резервом, подпитывающим всех субъектов, принадлежащих к данному универсуму. Апотропейность культурного пространства заключена в его аутентичности, поскольку знакомая, привычная среда психологически воспринимается в качестве наиболее комфортной, родной.

В России культурные паттерны транслируют выдержанный, спокойный традиционализм, дающий определенный фокус восприятия действительности. Это коллективизм, онтологизируемый как важнейший цивилизационный принцип. В коммунитарном обществе перспективы выживания были исторически определены максимально тесными социальными связями. Они обеспечивали не только взаимодействие, но и взаимовыручку, эффективное функционирование всевозможных сообществ — от общины до государства. Последние различались по своим формам и масштабам, жесткости регулирования, но неизменно обладали развитой апотропейной функцией, функцией защиты, которая закрепились в ментальном стереотипе в качестве коллективистской установки.

Они являются традиционными, «родовыми», исторически наследуемыми качествами, сохранявшимися при всех эпохальных катаклизмах. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован идентификационный комплекс: государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечи-

вая жизнестойкость и уникальность «русского мира». Именно этим, а также мощью исторического основания, полиэтничностью генофонда можно объяснить феноменальные способности к возрождению. В этом плане Россия обладает уникальным наследием, неким алгоритмом, опытом культурного диалога, который может быть задействован в решении национальных проблем.

Аспекты, которые определили лицо русской культуры, противопоставившей западному модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности, основаны на архетипе сопричастности общему делу, соборности, формализованному структурой государства. Патриарх британской историографии А. Дж. Тойнби отнес Россию к типу «универсальных государств». Апология державности, сакрализация власти, пietet к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса — все эти аспекты объемлет понятие «государственник», ставшее секулярной характеристикой национального менталитета.

Поэтому речь не может идти о выравнивании и унификации социокультурных характеристик цивилизаций с различными архетипическими основаниями. Переход к индустриальной и постиндустриальной стадии развития в коммунитарном обществе неизбежно будет обладать определенной спецификой. Заимствование тех или иных моделей должно быть соотносено с культурными доминантами, их применение не может быть механистическим. И здесь эффективность культурологических исследований, анализ культурных «аксиом» едва ли можно переоценить.